

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уважаемые читатели!

В заключении приведем краткий обзор статей, помещенных в IX том альманаха «Вопросы социальной теории», и сформулируем наиболее важные, на наш взгляд, результаты, полученные авторами статей.

Интрига материалов, представленных в первом разделе данного тома альманаха («Теория культуры: от классики к современности»), состоит в разработке проблем и методов, «выводящих» осмысление культуры и её развития на своеобразную «периферию».

Так, например, статья Г. Бейтсона («Культурный контакт и схизмогенез») и «перекликающаяся» с ней статья Дж. Фейблмана («Движение культур») рассматривают в качестве «двигателя» культуры (в первую очередь, европейской, открывающей для себя «отдаленные» народы) всё возрастающие различия между группами разных социумов и культур как в синхронии, так и в диахронии. Другими словами, эти исследователи, каждый по-своему, пробуют «выйти» за господствовавшее в их эпоху определение культуры как некоей статичной структуры.

Однако если отсутствие исследований комплементарного и симметричного схизмогенеза после Бейтсона можно объяснить отсутствием гения такого же уровня, как он, легко «переходящего» из дискурса естественных наук в дискурсы наук гуманитарных, то вопросы статьи Дж. Фейблмана о расплывчатости границ различных периодов развития культуры (Где расцвет? Когда он заканчивается и когда начинается кульминация? Когда завершается кульминация и начинается кризис? И т.п.), похоже, никто не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть, так как для этого необходимо проводить исследования культуры на протяжении не одного поколения.

Интересны и «старые» (нерешенные) проблемы, разрабатываемые в русле эволюционизма в статье Х. Дж. М. Классена («Эволюционизм в развитии»), в т.ч.: стагнация и упадок (обычно в рамках эволюционизма, кстати, и современного, рассматриваются проблемы расцвета и роста), подобие и идентичность (обычно же рассматриваются проблемы культурных различий), структура как функция или процесс, причинное объяснение. Постановка этих проблем создает своеобразную «перекличку» со статьей нашего современника В.Н. Щербины (см. второй раздел) о «расколотом» сегодня обществе Украины, стоящем перед выбором: диалог или его отсут-

ствие; и если возможен культурный диалог, то с каким соседним народом (народами), и как его организовать после недавних трагических событий.

Статья А. Фиркандта («Механизм культурных изменений») начинается с вопроса: как возможно сохранение культуры как устойчивой совокупности духовного и материального? Исследователь отмечает, что всякое изменение (перемена) в культуре может иметь разные источники: быть заимствованным, быть постоянным и непостоянным, существенным и несущественным. А. Фиркандт указывает на достоинства и недостатки трех групп методов для анализа культурных преобразований: метода сравнения, метода массового наблюдения и психологического метода. Удивительно, что комплексный анализ современной культуры с применением всех трех групп указанных методов до сих пор так и не проводился.

Статья Л.А. Уайта («Энергия и эволюция культуры») содержит идею о взаимосвязи поведения человека, контролирующего всё более прогрессирующие виды энергии (вплоть до атомной), и уровня культуры. Уайт доказывает, что именно человеческое поведение, а не психология, человека, должно быть предметом культурологии, науки, исследующей культуру на грани ядерной катастрофы.

В первом подразделе («Развитие теории культуры в научном наследии А.А. Пелипенко (1960-2016)») второго раздела («Теория культуры и современный мир») приводятся две статьи, которые посвящены творчеству А.А. Пелипенко (А.Я. Флиер; С.Б. Роцинский).

Статья А.Я. Флиера («Культура и её смыслы») содержит комментарии к некоторым теоретическим взглядам А.А. Пелипенко на культуру и обсуждению дискуссий, например, спора относительно крушения логоцентрической парадигмы и возникновения «новой естественности». С.Б. Роцинский в своей статье («Алармистские ответы на вызовы кризиса культуры») доказывает согласованность алармистских заявлений в трудах А.А. Пелипенко с его теорией смыслогенеза, несмотря на кажущийся логический и содержательный разрыв между ними.

Второй подраздел второго раздела тома («Культура и общество в современном мире») объединяет исследования, выполненные в рамках разных подходов, однако рассматривающие динамику культуры сквозь призму категории «время».

Так, основательная статья А.Б. Гофмана («*Festina lente*: от культуры ускорения к культуре замедления») представляет собой исследование социальных процессов с точки зрения ускорения и/или замедления (рассмотрена тенденция к замедлению времени в современном социуме). Автор вводит и обосновывает понятие «политика времени».

А.М. Орехов рассматривает три вида трансформации социальных

институтов («О жизни и смерти социальных институтов») с точки зрения их возможного существования довольно длительное время (по меньшей мере, несколько веков), а также три вектора, могущих оказать на это влияние: технологии, желание человека достичь бессмертия и его стремление к самовыражению. Исследователь прогнозирует чрезвычайно долгое существование науки, культуры, морали, власти, изменение института семьи и собственности (в том числе, и частной), а также самоликвидацию государства и религии.

Э.А. Орлова в своей статье («Адаптационные возможности социального взаимодействия») указывает, что классическая эволюционистская позиция, которую разделял А.А. Пелипенко, не позволяет определить процессы и механизмы анализа артефактов на микроуровне познания общества и культуры. В свою очередь, она предлагает учесть такой показатель, как время социокультурной микродинамики (ситуацию взаимодействия) применительно к пространству совместного существования людей. Автор рассматривает позитивные и негативные сценарии адаптационных возможностей социального взаимодействия, в результате которых появляются состояния установленности, перехода и распада.

В статье В.И. Разумова («Номологический статус общества: динамика культуры и внутреннего мира человека») ставится вопрос о том, можно ли найти для общества объективные законы, согласно которым общество могло бы развиваться в лучшую сторону. Автор считает, что прогнозирование развития современной культуры зависит от ответов на вопросы о статусе законов у общества, а развитие внутреннего мира человека определяется мерой его понимания балансов в системе: цели, свобода, мотивации. В XXI в. вызовы развития становятся связанными с пониманием природы знания в их связи с представлениями о законах.

Таким образом, для гуманитарно-социальных наук открываются новые перспективы развития, поскольку «...будущая история вселенной зависит от будущей истории знания» (Д. Дойч)¹.

Третий раздел альманаха («Жизненный мир человека в условиях социокультурной трансформации») объединяет статьи авторов, рассматривающих с разных точек зрения понятие «жизненный мир человека», что, как нам думается, можно считать заявкой не только на новое прочтение явлений современной культуры, но и на рефлексию о самом важном для каждого нашего современника — его жизненном мире, пространстве, времени, событиях, взаимодействиях, в которые он включен.

¹ Дойч Д. Структура реальности: Пер. с англ. Н.А. Зубченко. — Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. — С. 188.

В первом подразделе («Философские проблемы жизненного мира человека») интерпретируется ключевое понятие — «жизненный мир человека». Данный феномен последовательно изучается с позиций онтологии, гносеологии, топологии, антропологии и эпистемологии.

В статье А.А. Кузьмина («Гносеологические модели понимания жизненного мира человека и динамики современной культуры») сравнивается структуралистский подход (М. Фуко) и герменевтический проект (Г.-Г. Гадамер, М. Мамардашвили, А. Пятигорский) гармонизации жизненного мира человека и отдаётся явное предпочтение герменевтике. Именно последняя различает истинные и ложные предрассудки в понимании природы жизненного мира, сущность которого — в раскрытости (и раскрываемости) возможностей, в т.ч. и в признании конечности человеческого сознания.

В статье И.Ф. Михайлова («Современный взгляд на онтологию жизненного мира человека») описывается взаимодействие перцептивных, когнитивных и концептуальных схем, составляющих жизненный мир человека. Автор использует сетевую онтологию как для разработки когнитивного аппарата, так и для анализа социальных структур, так как и мозг, и общество суть ничто иное, как функционально-динамические системы (что решает парадокс гомункулуса), которые эволюционно соединены «интерфейсом» — языком, навязывающим свою структурность мысленному образу мира (жизненному миру). И.Ф. Михайлов считает, что язык, являясь исторически первой формой мышления, может оказаться формой не единственной и не последней.

В статье Ю.М. Резника («К топологии жизненного мира человека. Идея региональной дифференциации») даётся определение ключевого понятия «жизненный мир человека» как сферы «субъективно значимого и интерсубъективно разделяемого опыта людей, в основе которого лежит мысленная конструкция их собственного бытия (и со-бытия), воспроизводимая ими в типичных ситуациях повседневной жизни. Феномены данного мира дифференцируются далее на разные топологические уровни — сферы бытия, регионы, локалы и события. Автор показывает внешние и внутренние регионы жизненного мира через взаимосвязь психосферы и других сфер бытия, культуры, социосферы, экосферы и пр., уделяя особое внимание такому связующему звену, как менталитет (ментальность).

В статье С.А. Смирнова («Горизонт жизненного мира как категория антропологии») показан генезис понятия «жизненный мир» в трудах Э. Гуссерля. Автор полагает, что это понятие, подобно рамочной опоре, «притягивает» к себе другие категории феноменологии. В жизненном мире самым важным, на взгляд автора, становится открытие человека значи-

мости, смыслов, а не данности вещей. А это и есть «горизонтность» жизненного мира.

Работа Н.М. Смирновой («Эпистемология жизненного мира: эвристический потенциал и когнитивные границы») посвящена трансформации философского мировоззрения Э. Гуссерля от монадически-трансценденталистской установки к «естественной установке сознания», а также анализу влияния понятия «жизненный мир» на постгуссерлевскую эпистемологию жизненного мира, в частности, на систематическую теорию пробелов А. Щюца.

Во втором подразделе третьего раздела («Социальные и экзистенциальные проблемы жизненного мира человека») представлены различные подходы к осмыслению конкретных проблем жизненного мира.

Так, в статье А.С. Алехновича («Самобытие человека в социальном мире как экзистенциальный проект») предлагается экзистенциальное прочтение понятия «жизненный мир» как мирности (единства самобытия и бытия-с-другими). Объяснение целостного сущего (в т.ч. социума) должно строиться, по мнению автора, с учетом концептуализации феноменов персональной реальности человека, который своими бытийными возможностями наполняет повседневные лакуны социального мира.

В статье О.Ю. Глуховой («Категория хронотопа в социальной теории») обоснованы эвристические возможности использования понятия «хронотоп» в социальной онтологии, которое, по мнению автора, является своеобразным «переводом» термина М.М. Бахтина на философский язык. Автор рассматривает особенности категорий времени и пространства в естественных и гуманитарных науках, изображая хронотоп как относительно уникальное явление современной культуры (например, сеть Интернет).

Статья В.Г. Николаева («Социальная организация времени и жизненный мир») перекликается с работой А.Б. Гофмана, однако в ней понятия «быстрое» и «медленное» время рассмотрены не как последовательность, а как одновременность, приводящая к фрагментированности жизненного мира современного человека. Капиталистическое управление временем, прежде всего, временем рабочего человека, провоцирует утрату внутренней логики жизненного мира, демонстрируя размытость границ между естественным и искусственным и подчёркивая двусмысленность и проблематизацию непроблематичного, что чрезвычайно усложняет коммуникацию между людьми.

В целом данный том альманаха посвящен анализу взаимосвязей жизненного мира человека и динамики культуры. В сообществе же ученых, работающих над проектом «Человек и его жизненный мир», актуализа-

ция памяти о творчестве А.А. Пелипенко вызвала не только критику или согласие, но и поворот к качественно новому направлению исследований – построению комплексной теории жизненного мира человека, включающего в себя важнейшее для А.А. Пелипенко понятие «смысл» и его взаимодействие с психо-, культуро- и социосферой.

Ю.В. Серебрякова